

ЛИКИЙСКАЯ ДИНАСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА VI–V ВЕКОВ ДО Н.Э.

Д. А. Баранов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 августа 2010 г.

Аннотация: статья посвящена некоторым аспектам политического устройства древней Ликии. Автор предпринимает попытку доказать наличие в Ликии классического периода особой политической системы, известной грекам как «δυναστεία», которая представляла собой один из вариантов тирании в негреческих землях.

Ключевые слова: Ликия, династ, династия, династическая система.

Abstract: the article is devoted to some problem aspects of Ancient Lycia political system. The author makes an attempt to prove the availability of special political system known to Greeks as «δυναστεία» in Lycia the classical period. It represented one of tyranny variants in non-Greek lands.

Key words: Lycia, dynast, dynasty, dynastic system.

Проблема оценки внутривосточной ситуации, которая сложилась в западной оконечности Малой Азии вслед за персидским нашествием середины VI в. до н.э., была и, пожалуй, остается одной из самых дискуссионных в историографии. Большинство исследований, касающихся анализа нюансов греко-персидского взаимодействия (варьировавшегося от конфронтации до неприкрытого мидизма) в периферийных районах их обоюдной ойкумены, оставляет вне пределов своего фокуса специфику процесса политогенеза, протекавшего в ареалах обитания местных малых анатолийских народностей [1–3].

Не составляет исключения и Ликия, представлявшая собой относительно замкнутую полуостровную территорию на крайнем юго-западе Анатолии, защищенную с севера горными цепями, отделявшими ее от граничивших с ней районов Карики, Фригии и Памфилии [4, р. 968–969; 5, р. 269–270; 6, р. 1].

Долговременное отсутствие серьезного прогрессивного влияния более развитых культур предопределило длительное засилье архаизмов в облике региона. Матрилинейный счет родства, наличие некоторых черт рудиментарных родоплеменных отношений, низкий уровень общей урбанизации достались Ликии в наследство от позднейших хетто-лувийских княжеств, в числе которых находилось ядро ликийских земель [5, р. 269; 6, р. 214–220]. Все эти черты общественной организации Ликии получили дальнейшее развитие в генетической взаимосвязи с прогрессивными нововведениями, привнесенными

персидскими завоевателями (Hdt. I. 176) и греческими переселенцами [5, р. 270–275; 6, р. 111; 7, р. 55–60; 8, р. 99–110]. Это заставляет нас обратиться к анализу некоторых изменений в политическом устройстве Ликии позднеархаического и раннеклассического времени.

Есть все основания полагать, что персы, заинтересованные в формировании местного уровня власти, внесли некоторые коррективы, за счет которых смогли упрочить свое господство в регионе. В первую очередь это касается процесса политического усиления ксанфийской семьи династов, через наделение их привилегированным статусом. Ксанф, таким образом, приобрел черты полноценной столицы Ликии и центрального территориально-политического звена ликийской династической системы [6, р. 56–60].

Согласно точке зрения З. Арчибальда, такая система была одной из наиболее характерных черт в региональной политике Ахеменидов и встречалась повсеместно на завоеванных ими территориях. Исследователь полагает, что начиная со времени завоеваний Кира Великого, и особенно в период правления Дария I, персы проводили политику целенаправленной поддержки и поощрения лично лояльных им представителей наследственных семейств [9, р. 79–80; 10, р. 329–331]. По его мнению, таким образом налаживались вертикальные связи между центральной персидской администрацией в лице царя и нижними провинциальными уровнями. Делалось это в обход традиционной структуры сатрапий с целью упрочения контроля и подчинения региональных центров лично царю. Заметим, что такой вариант конфигурации взаимо-

отношений «центр – периферия» более всего характерен для особой ионийской сатрапии (арам. *Yauna*), которая была лишена собственного политического центра, что следует из контекста сообщения Геродота (Hdt. III. 90): «ἀπὸ μὲν δὴ Ἴώνων καὶ Μαγνήτων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ καὶ Αἰολέων καὶ Καρῶν καὶ Λυκίων καὶ Μιλυέων καὶ Παμφύλων (εἰς γὰρ ἦν οἱ τεταγμένος οὗτος φόρος) προσήε τετρακόσια τάλαντα ἀργυρίου».

Нетрудно заметить, что в прибрежную малоазиатскую сатрапию были включены помимо массы греческих полисов еще и земли малых народностей юго-западной Анатолии, вариативность политического устройства которых была более чем ярко выраженной [6, р. 90–92]. Управление из одного центра таким пестрым в этнополитическом отношении субъектом империи было бы невозможным. На наш взгляд, именно поэтому персидским царям потребовалось установление особых доверительных связей как с отдельными ионийскими тираниями, так и с представителями правящих семей Ликии.

Такие выводы неплохо согласуются с концепцией «партнерства», высказанной К. Янгом, согласно которому уже Кир старался сохранять существовавшие формы правления на завоеванных персами территориях, лишь видоизменяя их выгодным для себя образом. М. Остин считает, что монархические системы были присущи политическому облику многих регионов империи Ахеменидов, отмечая при этом центральную роль обычаев «дарообмена» во взаимоотношениях царской администрации «Великого царя», вассальных тиранов/династов и местных имперских ставленников разных уровней [11, р. 289–306]. По Д. Графу, персам совершенно не требовалось менять уже сложившиеся и проверенные временем местные политические традиции, лишь несколько достроив их сверху, чтобы соединить имперский и региональный уровни власти [12, р. 90–93].

Важнейшей отличительной особенностью, определявшей разницу во взаимоотношениях персидских царей с тиранами от аналогичных связей с локальными династами, является то, что главе персидской державы приходилось иметь дело не с отдельным ставленником, а с представителями целого рода (*γένος*), получившего власть в обмен на свою лояльность персепольскому владыке. Такие отношения могли носить характер «личной унии» между представителем правящего семейства и царем Персии, который передавал значительную долю административных и фискальных полномочий главе региональной династии в обмен на разного рода политические преференции, начиная от поддер-

жки военных предприятий царя и его сатрапов и заканчивая участием в подавлении восстаний на смежных территориях. Помимо этого, будучи правителем отдельного города (например, Ксанфа), представитель правящей династии получал возможность экономической эксплуатации вверенного ему региона. Большинство земель, отходивших в сферу ответственности династии, было представлено многочисленными административными субъектами – от отдельных городов, полисов и общин до весьма обширных владений региональных династов низшего уровня, которые теперь были зависимы от центральной династии.

Естественно, признаки такой системы политических взаимоотношений региональных династов с великими царями нашли свое прямое подтверждение и в Ликии. Ю. Борхард в контексте своей концепции строгой взаимосвязи между персидским культурным влиянием и степенью подчинения ликийских династов великим царям (*a strict correlation between Persian cultural influence and subjection to the Great King*) высказал мысль о том, что уже на рельефном изображении «Монумента Гарпий» (ок. 480 до н.э.) была засвидетельствована сцена передачи царем Персии властных полномочий одному из ксанфийских династов. П. Демарн предположил, что изображение фигуры на троне принадлежит самому династу [13, р. 968]. Ф. Д. Трич, выявив общую стилистическую схожесть рельефных изображений «Монумента Гарпий» с персепольскими аналогами, приводит более чем красноречивые доводы в пользу идеи, согласно которой ликийские династы пользовались регалиями, отвечающими статусу имперского сатрапа. В качестве доказательства Ф. Д. Трич предоставляет практически идентичное ксанфийскому рельефу изображение, содержащееся на погребении одного из сатрапов. Исследователь обращает внимание на то, что большинство гробниц, традиционно приписываемых ксанфийским династам, было снабжено подобными изображениями [14, р. 41–50].

Добавим, что сходные тенденции мидизма прослеживаются и на примере обширного ликийского нумизматического материала, что выразилось в выпуске монет, содержавших изображение ликийских династов в персидском головном уборе (так называемая «мидийская шапка» или башлык). Большинство денежных единиц этой разновидности принято называть монетами «сатрапского типа» (*satrapal type*) [15, р. 38]. Причем в отличие от тяжело поддающихся какой-либо удовлетворительной интерпретации изображений, фиксируемых на архитектурных

сооружениях погребального назначения, ликийские монеты содержат имена конкретных династов, осуществлявших их эмиссию. Таким образом, не остается серьезных сомнений в том, что перед нами профили именно ксанфийских правителей и зависимых от них династов, а не имперских ставленников персидского происхождения.

На наш взгляд, рельеф «Монумента Гарпий» вкуче с подобными изображениями, содержащимися на ксанфийских династических погребальных памятниках более позднего периода, а также монеты «сатрапского типа» весьма недвусмысленно указывают на краеугольный принцип формирования местного уровня власти в персидской империи. Вполне очевидно, что в основе последнего лежал выбор царем наиболее приемлемого и влиятельного «политического собеседника», которому предоставлялись более широкие полномочия, а в ряде случаев и вся полнота власти относительно прочих политических субъектов на подконтрольной персам территории. Такой «собеседник» получал свой «властный инструментарий» посредством традиции «дарообмена», в результате которого переходил в статус полноправного имперского ставленника. В случае с греческим населением западных регионов Малой Азии в качестве такого имперского чиновника выступал тиран отдельного полиса, а в случае отсутствия приемлемых полисных структур (в землях варваров) применялся принцип наделения полномочиями по территориально-этническому принципу.

Как уже отмечалось, Ликия входила в состав первой установленной сатрапии (по Геродоту), лишенной четкого политического центра. В этих условиях далеко не случайно было то, что отдельные территории в составе этого административного округа управлялись исходя из реалий местной специфики, отличительной чертой которой были политическая разобщенность (конфедерация династов) и этническая пестрота. Вполне очевидно, что персидские цари не были заинтересованы или просто не имели возможности заключать «личные унии» с каждым отдельным династом на территориях юго-западной Малой Азии. Вместо этого на смену конфедерации династов (которая в отдельные периоды времени могла насчитывать до нескольких десятков локальных правителей) приходил персидский вариант системы «династического принципата», который основывался на подчинении всех правителей одной наиболее сильной и влиятельной семье. В связи с этим не случаен выбор важнейшей цели военного похода Гарпага против Ликии. Ксанф уже в доперсидское время мог выступать в качестве узлового поселения

региона и, возможно, уже тогда считался (пусть и номинальной) столицей Ликии. Об этом свидетельствует наличие в этом городе устойчивой традиции династических погребений, относящихся ко времени, предшествовавшему нашествию Гарпага («Столб Борцов», «Львиная Могила»). А. Кин справедливо замечает, что династических захоронений могло быть значительно больше, но, учитывая специфику развития архитектуры в Ликии архаического времени (деревянное строительство), эти памятники могли не сохраниться [16]. Само появление монументальных посмертных памятников, посвященных правителям Ксанфа, могло свидетельствовать о возросшей степени прироста прибавочного продукта [17].

Став фискальным центром, куда стекались подати с территории всей страны, Ксанф (как и его правители) приобрел серьезный вес, с которым не могли не считаться оставшиеся независимыми политические субъекты Ликии. Это в свою очередь повлекло за собой расширение «горизонтальных» отношений между династическими родами и отдельными правящими династами. Таким образом, ксанфийская семья получала в подчинение вассалов в лице вчерашних противников и антагонистов, а цари Персии продолжали обогащаться за счет лично зависимых от них «принцев Ликии». В доказательство можно привести любопытную аналогию в Киликии, где дела обстояли приблизительно сходным образом. Нам известно о существовании киликийских династов, которые вели междоусобные войны за власть. Страна была разделена, по меньшей мере, на два крупных административных субъекта (страна Пиринду под властью династа Аппувашу на западе и страна Хумэ на востоке). Однако «отец истории» недвусмысленно и красноречиво указывает на характер политических трансформаций, произошедших к моменту воцарения Дария I (Hdt. III. 90): «τοῦτων δὲ τεσσαράκοντα καὶ ἑκατὸν εἰς τὴν φρουρέουσαν ἴππον τὴν Κιλικίην χώραν ἀνασιμῶτο, τὰ δὲ τριηκόσια καὶ ἑξήκοντα Δαρείῳ ἐφόιτα· νομὸς τέταρτος οὗτος». Из приведенного отрывка видно, что Дарий получал личную выгоду, выраженную в денежных поступлениях из казны царей Киликии, ставших на тот момент практически единоличными властителями страны, опираясь на персидскую поддержку [12, р. 64; 18, р. 191–195].

Т. Брайс выдвинул любопытную концепцию, согласно которой система ликийского «династического принципата» поразительным образом напоминает политическую систему империи Ахеменидов вообще. Так, согласно его выводам

ликийская династическая система представляла собой сведенную в рамки отдельной территории модель, выглядевшую «микрокосмом» Персидской державы, где династ Ксанфа в отношении зависимых от него вассалов выступал в той же роли, что и «Великие Цари» по отношению к нижестоящим сатрапам и имперским чиновникам. Таким образом, каждый нижестоящий уровень в административной системе империи дублировал модель вышестоящего [15, р. 41–42].

Применительно к Ликии следует упомянуть еще один немаловажный момент. Он заключается в том, что династическая система была более тонким инструментом политического контроля, чем это может показаться на первый взгляд. Так, из ряда эпиграфических источников нам известна так называемая «властная формула». Она звучит как ἐνῆ...χῆταια, где основа (χῆταια) обладает значением первенства или лидерства. Эта формула была зафиксирована (на территориях от Ксанфа до Лимиры) применительно к именам многих династов в качестве политического эпитета, обозначающего их статус (перевод по Э. Кину: «under the kingship of»). Возможно, что этой формулой (quasi-dating formula) обозначался особый статус «первейшего» династа того или иного региона, а возможно, и всей Ликии [5, р. 274–275; 15, р. 38].

В династический период появляется и «трискелион», изображавшийся на аверсе или реверсе монет династов из Ксанфа и других районов Ликии (зависимых от ксанфийских правителей). Возможно, в Ликии такой знак мог обозначать ту или иную степень зависимости региональных династов от принцепса в Ксанфе или быть родовым знаком династов ксанфийского дома [15, р. 42; 19, р. 4–5].

С уверенностью можно сказать, что ликийская династическая система просуществовала довольно долго, показав признаки отличной жизнеспособности в качестве отдельного и во многом самостоятельного политического сегмента империи Ахеменидов. Подобная политическая парадигма в большей степени отвечает постулату Аристотеля о существовании особого вида олигархии, известной как «δυναστεία» (Arist. Pol. IV. 1292. b; IV. 1293. a). Монархия, тирания и классический вариант олигархии не соответствуют «династии», которую «отец логики» наделяет чертами сходства с каждой из перечисленных форм правления. Вероятнее всего, что такой смешанный тип политической власти редко встречался в Балканской Греции, однако был повсеместен в варварских землях Азии, Ливии и ряде регионов Причерноморья [20, с. 153–156]. И несмотря на то, что философ не

указывает на это обстоятельство напрямую, тем не менее ясно, что речь идет преимущественно о политическом строе негреческих государств.

Если предположение Э. Кина относительно существования «Ликийской политики» верно, то у нас есть все основания полагать, что понятный эллинам термин, которым «отец логики» мог бы обозначить ликийскую власть, был именно термином «δυναστεία» [5, р. 269].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рунг Э. В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции / Э. В. Рунг // Вестник древней истории. – 2005. – № 3. – С. 14–35.
2. Tuplin C. J. Persian Responses : political and Cultural Interaction with(in) the Achaemenid Empire / C. J. Tuplin. – Swansea, 2008.
3. Asheri D. Fra Ellenismo e Iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide / D. Asheri. – Bologna, 1983.
4. Erdogan E. Lycian antique settlements of Anatolia / E. Erdogan // African Journal of Agricultural Research. – 2009. – Vol. 4 (10). – P. 968 – 981.
5. Keen A. G. The «Kings» of Lycia in the Achaemenid Period / A. G. Keen // Alternatives to Athens : varieties of political organization and community in ancient Greece / ed. by R. Brock, S. Hodkinson. – Oxford, 2000. – P. 269–279.
6. Keen A. G. Dynastic Lycia : a Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, 545–362 BC / A. G. Keen. – Leiden, 1998.
7. Childs W. A. P. Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-Examined / W. A. P. Childs // Anatolian Studies. – 1981. – Vol. 31. – P. 55–80.
8. Bryce T. R. The Lycians : a study of Lycian history and civilization to the conquest of Alexander the Great / T. R. Bryce. – Copenhagen, 1986. – Vol. I.
9. Archibald Z. H. The Odrysian kingdom of Thrace : orpheus unmasked / Z. H. Archibald. – Oxford, 1998.
10. Bryce T. R. A ruling Dynasty of Lycia / T. R. Bryce // Klio. – 1982. – Bd 64. – Hft. 2. – S. 329–337.
11. Austin M. M. Greek Tyrants and the Persians, 546-479 B.C. / M. M. Austin // The Classical Quarterly, New Series, 1990. – Vol. 40. – № 2. – P. 289–306.
12. Graf D. Greek Tyrants and Achaemenid Politics / D. Graf // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / ed. by J. W. Eadie, J. Ober. – Lanham, 1985. – P. 79–123.
13. Briant P. From Cyrus to Alexander : a History of the Persian Empire / P. Briant. – Winona Lake, 2002.
14. Tritsch F. J. The Harpy Tomb at Xanthus / F. J. Tritsch // The Journal of Hellenic Studies. – 1942. – Vol. 62. – P. 39–50.

15. Bryce T. R. Political Unity in Lycia during the «Dynastic» Period / T. R. Bryce // Journal of Near Eastern Studies. – 1983. – Vol. 42. – № 1. – P. 31–42.

16. Keen A. G. The Dynastic Tombs of Xanthos : who Was Buried Where? / A. G. Keen // Anatolian Studies. – 1992. – Vol. 42. – P. 53–63.

17. Bryce T. R. Lycian Tomb Families and Their Social Implications / T. R. Bryce // Journal of the

Economic and Social History of the Orient. – 1979. – Vol. 22. – № 3. – P. 296–313.

18. Colvin S. The Greco-Roman East : Politics. Culture. Society / S. Colvin. – Cambridge, 2004.

19. Boardman J. Seals and Signs. Anatolian Stamp Seals of the Persian Period Revisited / J. Boardman // Iran. – 1998. – Vol. 36. – P. 1–13.

20. Бикерман Э. Государство Селевкидов / Э. Бикерман. – М., 1985.

Воронежский государственный университет

Баранов Д. А., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Тел.: 8-920-410-04-72

Voronezh State University

Baranov D. A., Post-graduate Student of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Tel.: 8-920-410-04-72